

Галина Гончарова

РОМАНТИЧЕСКАЯ ФАНТАСТИКА

Галина Гончарова

Средневековая история.
Первые уроки

Фэнтези • Интриги • Приключения

Роман

Москва, 2014
 SARMA
&
«Издательство АЛЬФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
Г65

Серия основана в 2011 году
Выпуск 111

Художник
Л. Клепакова

Гончарова Г.

Г65 Среневековая история. Первые уроки: Роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2014. — 312 с.: ил. — (Романтическая фантастика).

ISBN 978-5-9922-1764-3

Попасть в другой мир? Очень даже просто. Если ты правильный попаданец — тебе будет счастье с первого момента. Магические способности, верные друзья, принц с претензией на ЗАГС и даже — если автор расщедрился — новое шикарное тело. Это правильно. А вот если тебе всего двадцать лет? Ты медик. И знаешь только медицину. Ну и так, всякие женские мелочи... Ни энциклопедических знаний, ни всяких бонусов — тело и то не свое. А жить-то надо! Жить-то хочется... А вокруг — Средние века, и место женщины в них за плинтусом. Или смотри какая женщина?

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

ISBN 978-5-9922-1764-3

© Галина Гончарова, 2014
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2014

ПРЕЛЮДИЯ 1

В один ненастный день, в тоске нечеловечьей,
Не вынося тягот, под скрежет якорей,
Мы всходим на корабль, и происходит встреча
Безмерности мечты с предельностью морей...
О, странная игра с подвижной мишенью!
Не будучи нигде, цель может быть — везде.
Игра, где человек охотится за тенью,
За призраком ладьи на призрачной воде...

Ш. Бодлер. Плавание

Что такое счастье?

Вот Аля знала точно, что это такое. Это когда ты едешь домой. В любимый военный городок. Кому-то этого было мало, ей — нет. Аля, а точнее Алевтина, была девушкой из самой обыкновенной семьи. Отец — военный. Мать — фельдшер. Познакомились они двадцать пять лет назад на студенческой вечеринке и с тех пор не расставались. Помогались по гарнизонам, родили Алю и в конце концов осели в городке Н-ске, куда Алиного отца направили на службу. Родина сказала служить, и он стал служить. В чине полковника. И начальника гарнизона. Выслужил. Академия Генштаба ему, наверное, уже не светила, но Владимир Васильевич туда и не рвался. С его точки зрения, счастье — это когда рядом любимая жена и дочь. И служба. А что еще надо? Есть такое призвание — родину защищать.

Алина мама, Татьяна Викторовна, считала, что тоже счастлива. Любимый и любящий муж, замечательная дочь. Да и профессия медика за столько лет ей не надоела. Любила она свою работу. И дочке привила к ней любовь. Вот Алечка и поехала получать образование в мединститут. Уже пятый

год пошел как. Девочка хочет стать хирургом. И специализироваться на полостных операциях. Чтобы жить и работать в военном городке. Конечно, впереди у нее еще год учебы, потом еще практика, потом... Но целое лето девочка будет дома.

Что еще надо для счастья?

Ей — ничего. Ее мужу — тоже.

Самой Але для полного счастья надо было закончить институт, получить достаточный опыт и уехать работать в родной город. Ей там нравилось. И мало того, там был симпатичный офицер Леша. С которым она хотела бы прожить всю оставшуюся жизнь.

А сейчас она просто стояла на перроне и ждала родителей. Приятно оттягивал руку чемодан с подарками. И не важно, что ради их покупки пришлось подрабатывать уборщицей в магазине. Не бывает недостойной работы. Бывает маленькая зарплата.

В сумке лежала зачетка со сплошными пятерками. А еще Алю недавно допустили до первой в ее жизни операции. Вообще-то не должны были, но пустили, под строгим присмотром хирурга. И операция прошла безупречно. Чем не повод для гордости? Пусть и аппендицит! Но все-таки.

Потом подъехал старый жигуленок, из него выскочили родители, и Аля опять почувствовала то самое ощущение безграничного счастья.

Она жива и здорова. Рядом с ней самые родные и близкие люди. И они тоже живы и здоровы.

Только через пятнадцать минут Владимир Васильевич смог загрузить своих женщин в машину и развернуться по направлению к дому.

Они были искренне счастливы. Настолько, что боги позавидовали их счастью. И из-за поворота неожиданно вывернулся тяжелый грузовик. Владимир Васильевич отчаянно вывернул руль, уходя от столкновения.

Все было бы прекрасно, если бы на этом месте двумя часами раньше не чинился жигуленок-«шестерка», оставивший на асфальте здоровенную масляную лужу.

Машину занесло.

Завертело.

Перевернуло несколько раз и впечатало в стоящее рядом дерево.

Последней вспышкой яростного отчаяния пронеслось в мозгу Али: «Я умираю?! Не хочу!!!»

Я буду жить!!!

Темнота.

ПРЕЛЮДИЯ 2

Ночь. Полнолуние. И неожиданно тихий лес, через который пробирается пожилая женщина в грубых деревянных башмаках.

В руке она несет большую корзину. Свет луны пугает ее. Ветви деревьев кажутся лапами чудовищ, а уханье совы наполняет душу почти животным страхом.

Но она знает, куда идет.

И наконец выходит на полянку, в центре которой стоит небольшая хижина. Днем тут, наверное, красиво. Но сейчас луна обливает все мертвенно-бледным светом и превращает ручей в реку мертвых, огородик — в пустынную и почти голую землю, а сама хижина внезапно кажется женщине пастью какого-то хищного зверя.

Но она все равно пойдет туда. Иначе нельзя. И она скребется в дверь хижины.

Проходит несколько минут, прежде чем та отворяется.

Стоящая на пороге старуха выглядит как страшная ведьма из деревенских сказок. Седые волосы растрепаны и распущены по плечам. На подбородке бородавка. Ночная рубашка была когда-то белой, но теперь она вся в пятнах и заплатках. Хотя кто смотрит на рубашку, если в тебя буквально впиваются черные глаза. Яркие, внимательные и удивительно молодые. Такие могли бы принадлежать и восемнадцатилетней девушке.

— Что тебе надо?

— Это тебе, — протягивает корзину женщина.

— Я спросила, что тебе надо.

Старуха по-прежнему не прикасается к корзине, не двигается с места, только у ее ног невесть откуда появляется

здоровущий белый кот. Трется, вьется, глядит красными глазами. И в зыбком неровном свете кажется женщине призраком, пришедшим из ада за ее душой.

Но она не собирается отступать.

— Я хочу, чтобы ты помогла моей госпоже.

— В чем помогла?

— Ты же знаешь, Морага. Госпожа Лилиан уже третий день очень плохо. Родильная горячка сведет ее в могилу. Приходил лекарь, очистил ей кишечник и пустил кровь, но она так и продолжает метаться в лихорадке. Я не хочу, чтобы она умерла.

Старая ведьма пожимает плечами.

— А она? Чего хочет твоя хозяйка?

— Умереть, — опускает глаза женщина. — Я знаю. Но...

Взгляд ведьмы неожиданно смягчается.

— Я все понимаю. Она тебе как родная дочь. Со всеми ее недостатками. Ты ее любишь. Давай сюда корзину. Это мне?

— Да. И еще. — Женщина снимает с пояса кошелек. Там что-то позванивает. — Это тоже...

— Хорошо.

Ведьма даже не думает рассматривать свой гонорар. Вместо этого она приподнимает лицо женщины за подбородок и внимательно глядит ей в глаза.

— Я дам тебе средство. Сильное. Ты разведешь его в молоке и дашь ей выпить. А потом сядешь у ее кровати и будешь звать. По имени. Или как звала ее в детстве. Говори с ней. Хоть о чем, но говори. Если она захочет, она вернется.

— А если нет?

Ведьма чуть улыбается краешком губ.

— Мое средство способно вернуть в тело душу. Только вот если душа сама не пожелает остаться, тут уж все бесполезно. Понимаешь?

Женщина кивает.

— Все будет зависеть от тебя. Сумеешь ее дозваться — вернется. Нет — уйдет навсегда. И никто не поможет.

Женщина кивает головой:

— Я согласна.

— Тогда жди. Я сейчас достану лекарство.

Ведьма скрывается в хижине. Женщина остается на крыльце. Ей по-прежнему страшно. И так же жутко шумит лес. И так же пляшут на ветру ветви деревьев и тянутся, тянутся к ней когтистые лапы.

Но она дождетя. Возьмет лекарство и пойдет обратно.

А дома сделает все, что сказала ведьма. Потому что не хочет потерять свою девочку. Она очень-очень ее позовет. И Лилиан, Лилечка, Аленька обязательно вернется. Должна вернуться к ней. К своей старой нянюшке. Непременно вернется...

ГЛАВА 1

**«Вы, конечно, слышали о переселении душ.
А вот случилось ли вам слышать
о перенесении тел из одной эпохи в другую?»**

Никто не знает, что происходит там, за гранью смерти. Никто и никогда этого не узнает.

Но есть старая, очень старая легенда. И она гласит, что тело конечно, а душа вечна. Если погибает тело, душа отправляется на новый виток перерождения, чтобы спустя некоторое время снова появиться на земле.

Кое-кто считает также, что число миров бесконечно, и, побывав в одном мире, душа может отправиться в другой.

А еще есть такое мнение, что, если душа очень хочет жить, она может занять чужое тело, из которого уходит душа прежнего хозяина. Говорят, так тоже бывает. Душа не уходит, а просто переселяется.

Но это, конечно, просто глупость. Ведь до сих пор никто не признался в таком переселении...

Первым Алиным ощущением было — больно.

Вторым — больно!

Третьим — больно!!!

И девушка открыла глаза.

Лицо, нависшее над ней, оптимизма не внушило. Не было ничего. Ни белого потолка, ни сверкающих ламп, ни людей в белых халатах — одним словом, ничего из представлений современного человека о реанимации. А ведь она

обязательно должна была попасть туда. Или хотя бы в обычную палату. После нескольких переворотов машины...

Аля отлично помнила страшный хруст в своей шее и почти не сомневалась, что после такого ей грозит минимум год реабилитации.

О практике в больнице можно забыть сразу.

Абзац.

А так хотелось... Ей обещали пока травматологию, но потом... Ага, теперь ей травма тоже светит. В качестве пациентки.

Только вот почему над головой какая-то пыльная розовая тряпка? И что это за тетка с тремя зубами, которая глядит ей в лицо и проникновенно спрашивает:

— Госпожа очнулась?

При этом изо рта тетки дохнуло таким смрадом, что Аля застонала — и потеряла сознание.

Но хотя бы все тело болеть перестало.

Во второй раз открыть глаза оказалось чуть легче. Опять было больно. Но теперь меньше. И Аля никак не могла понять, почему болит в области паха, если была автомобильная авария? Вроде бы она головой ударилась, а не тем самым местом. А с другой стороны, кто его знает? Могла и тем самым.

Больно.

Над головой опять была мерзкая розовая тряпка. В воздухе воняло чем-то горелым и, пардон, дерьмом. Но сознание вроде бы отплывать не собиралось. Пока.

И Аля повела глазами по сторонам.

Увиденное заставило ее серьезно усомниться в реальности происходящего. Может, она слишком сильно головкой об машинку треснулась, и теперь у нее глюк? И он атакует?

Было от чего пребывать в шоке. Она лежала в большой комнате на здоровенной кровати. Комната размером не меньше, чем вся родительская трехкомнатная квартира. И кровать занимает гордое положение посередине. С одной стороны окно, в которое виднелся лес. С другой — огромные шкафы. А если смотреть прямо — дверь. Роскошная, вычурная и позолоченная. А сама комната напоминала жилище приду-

рошной барби. Другой характеристики Аля подобрать не могла.

Розовым было все. Стены, затянутые приторно-розовой тканью в золотых цветах размером с капусту. Занавески веселенького поросячьего цвета. Шкафы, покрашенные косо-руким маляром в тот же барби-цвет, для полного счастья еще и обляпанные золотом. Столик на ножке — разумеется, по ножке вились розы, а окраска столика напоминала грудь снегиря. Кресла, обитые той же тканью, что и стены. Здоровущие вазы с розами. И венец всего — пыльно-розовый балдахин над кроватью. Со здоровущими бантами золотого цвета.

Аля почувствовала, как перед глазами поплыли розовые круги. Но в этот раз так легко сознание потерять не удалось.

— Госпожа!

Над ней нависло то же лицо, что и в прошлый раз.

Аля кое-как собрала остатки сил — и выдохнула:

— Где я?!

Получилось что-то вроде «е... а...». Откровенно плохо получилось и невнятно. Но — как смогла.

Видимо, сиделка (а кто еще может сидеть рядом с больным человеком?) приняла это за разрешение говорить или что-то еще в этом духе, потому что затараторила:

— Госпожа, я так рада, так рада, что вы очнулись! Вы уже три дня лежите. Знахарка была, сказала, что трогать вас нельзя, коли тело само смерть переберет, так тому и быть, а коли не переберет, то и судьба вам за ребеночком вслед уйти. Родильная горячка — она ж много кого сгубила. Мы боялись, что и вас хвороба приберет, ну и молились ежечасно — с божьей помощью вы и на ноги скоро встанете. А вот водички не хотите ли?

И перед носом у девушки появился здоровенный кубок из желтого металла.

Золото?

Сверкнули алые самоцветы по ободку чаши.

Аля почувствовала себя зависшим компьютером. Машинально вытянула губы, прикоснулась к холодному металлу, и в горло ей полилась вкуснейшая холодная вода. Прекрас-

ная. Чистая. Без малейших признаков ржавчины. И смешанная с чем-то вроде дешевого вина из пакетов...

Да что тут происходит?!

Но спрашивать Аля поостереглась. Вместо этого прикрыла глаза и принялась размышлять.

Чем-чем, а логическим мышлением боги девушку не обидели.

Как медик, она отлично знала — иногда надо не прыгать и не бегать, а промолчать. Лишний раз промолчать не мешает. Факт. В любом случае ты об этом не пожалеешь.

Что она помнила?

Последнее — тот КамАЗ. Крик отца. Сильный удар головой и хруст в шее. И — темноту.

Что-то было еще в темноте, но что? Она не знала. И принялась анализировать услышанное от сиделки.

В сухом остатке провал в черноту. А теперь — эта комната и сказанные слова.

Что было сказано?

Госпожа. Явно обращаясь к Але. Но господ вывели в 1917-м. Кстати, зря. С Алиной точки зрения. Но об этом после. То есть госпожа — это она. А где у нас так говорят?

А где угодно. От Арктики до Антарктики. Есть места, где тебя будут почтительно именовать «прекраснейшая и мудрейшая, совершеннейшая и чудеснейшая». Деньги только отстегивай, и будут. Хотя Але на такое и пяти копеек жалко. Но — ладно. Обращение не редкость. А что дальше? Вы уже три дня лежите?

После той аварии... Аля подозревала, что и двадцать лет можно бы пролежать. В коме. Но дальше-то как?!

Была знахарка. Какие, на фиг, знахари в век медицины и фельдшеров?! Даже в Африке есть Красный Крест! И вообще — не похоже это на Африку. Холодновато. И небо за окном серое. И даже если знахарка — какие к черту преодоления болезни в век антибиотиков?! Вкатят лошадиную дозу — все микробы передохнут.

И вообще — за ребеночком?!

Какие, к чертям свинячьим, дети?! Аля, честно говоря, спала только с Алексеем. На каникулах. И то со всеми предосторожностями. Ей доучиться хотелось, а ему — полу-

чить хотя бы майора. А потом уж можно и в загс. Но пока они старались, чтобы ничего... и никак... И после тех каникул у нее месячные были не раз. И по графику. Давно бы проявилось, если что.

О чем тут речь идет?! Какой ребенок?

Хотя, если был ребенок — ясно, почему внизу живота такие мерзкие ощущения. Редкостно мерзкие.

Но как?!

Лично у Али было два варианта. Первый — простой. Она оправилась после аварии, успела выйти замуж, залететь и даже родить. Но в результате стресса (родильной горячки, клинической смерти, пролетевшего метеорита, упавшего яблока — вариантов прорва) забыла все, что было после аварии. И теперь ей все придется начинать сначала.

Второй вариант...

Он тоже был. И не радовал.

Соседка по комнате в общежитии была заядлой толкиенисткой. Она ходила на ролевки, свято верила в параллельные миры, заваливала все углы фантастикой и замусорила весь комп всякой пакостью из разряда фэнтези. Аля не спорила с ней и не ругалась, прок был и от такого. Особенно когда в комнату случайно забрели двое пьяных кавказцев. Они мигом протрезвели, натолкнувшись на Элдариэль (в миру — Элла) в кольчуге и с мечом. Которым она и гнала парней по коридору до выхода. Девушка как раз собиралась на ролевку и оделась соответственно. Эффект был потрясающим. Тем более что все делалось с приближением к реальности, и меч весил не меньше трех килограммов. А то и все пять. Аля не взвешивала. А железякой в умелой руке, да по хребтине...

Но — хватит об Элке.

Второй вариант был параллельным миром. И радоваться тут нечему.

Аля периодически брала у подруги что-нибудь почитать — если расшатанная нервная система отказывалась погружать девушку в глубокий сон, очень хорошо помогали разные фантастические книги. Насколько она помнила, выглядело это так. Героиня (молодая, прекрасная и вся из себя ведьма) попадает в параллельный мир (где только ее и ждали). И начинает вести себя там настолько по-идиотски, что

в родном мире ее бы приняли в психушку без блата и очереди. Просто на основании поступков.

Она лезет куда не надо. Хамит кому ни попадя. Влюбляется в антисоциальные элементы с дурными наклонностями. В крайнем случае все окрестные принцы и короли были ее. Если уж автор решал соригинальничать, героиня огребала себе на голову — и на всю оставшуюся (разумеется, лет так в 1000 — 5000) жизнь — эльфа или дракона. Который сидел на своей кочке тоже лет так с тысячу специально для нее.

Бывает.

В дополнение к уже сказанному, героиня постоянно рвется спасти мир, который прекрасно существовал миллион лет до нее и прекрасно просуществовал бы еще лет эдак с миллиард — без нее.

И что тут от умного человека?

Кроме того, героине неоправданно везло всегда и во всем. Грубо говоря, если она падала с небоскреба — тут же находился либо ловящий ее герой, либо стог сена, либо свежееоткрытые магические способности или ангельские крылья. В крайнем случае ускоренная регенерация.

И Аля сильно подозревала, что если это — другой мир, ей такая халыва не светит. Зато светит загнуться без антибиотиков. Тем более что, по ее ощущениям, даже кружку не мыли недели две. А саму сиделку — с рождения.

И девушка приняла простое решение. Молчать.

Молчать и еще раз молчать!

Среди говорящих попугаев дольше живут те, которые меньше говорят. К людям это еще более применимо.

А жить хочется. И не в местном дурдоме. Если тут вообще такие есть.

Хорошо еще, если дурдом. А если... Святая инквизиция, например, пришельцев из другого мира первым делом бы протестировала на связь с дьяволом. То есть притопила с камешком на шее. Выплывет — виновна. Дьявол ей помог. Не выплывет... «Братья. Она была невиновна. Помолимся же за ее грешную душу. Ибо все, что Бог ни делает, все к лучшему».

Очень приятные ощущения.

Даже если все это бред, Аля подозревала, что и в бреду ей

утопиться не захочется. Или торжественно сжечься. Кажется, это называлось аутодафе?

Поэтому плевать, какой это мир, какой век (судя по обстановке — не больше пятнадцатого, даже зеркал нет!), какая планета...

Плевать на все, кроме своего здоровья.

Спать, набираться сил и выздоравливать.

Спать.

Аля вздохнула поглубже и принялась считать овец.

Уснула она на шестнадцатой скотинке.

Второй культурный шок Алю ждал при следующем пробуждении. Вот так сидел в кустах и ждал.

А что делать? Девушка проснулась, попила воды и захотела на горшок. Верная сиделка, воняющая еще сильнее (ладно, был бы человек хороший, а ароматизировать любого можно) откинула одеяло и принялась подсовывать под Алино тело что-то вроде средневекового судна.

Действовала она так неловко и неумело, что пролежни были обеспечены. Но Але было не до пролежней. Расширенными глазами она смотрела на свое (какое, к чертям свиным, свое?!) тело. И понимала, что это не она!!!

Аля от рождения была черноволосой, чуть смуглой, с серыми глазами. Всегда не больше сорок шестого размера. То есть вполне стандартная девушка при росте сто семьдесят. А тут?!

На простыне, которую тоже надо было бы уже месяц как постирать, расположилась рыхлая тушка размера эдак пятьдесят шестого. Или вообще шестидесятого. Весьма рыхлая и белокожая. В задравшейся грязно-розовой рубашке. И что самое ужасное — блондинка!!!

Натуральная.

Аля ушла в глубокий обморок. Правда, описать ее она смогла и в обмороке.

В третий раз девушка открыла глаза днем.

Ощущения опять были мерзкими. Опять сухость во рту. Опять голова болела. Опять мутило. Про промежность лучше и не говорить. Если она и рожала, то, по ощущениям, ре-

бенок родился бешеным дикобразом. Но требовалось хоть что-то сделать.

И кто-то держал ее за руку. И говорил.

«... а у Висы Хадсон овца родила двухголового ягненка. Докторус, ну которого к тебе приглашали, поехал его посмотреть и сказал, что обязательно чучело набьет и отправит в королевский музей диковинок. Он еще обещался сегодня заехать. Поглядеть на тебя. Ой, девочка моя, не умирай! Только не уходи! Я ж тебя вскормила, на руках своих вынянчила, выносила родненькую, и батюшку твоего тоже вынянчила! Ты ж у него одна, кровинушка! И у меня ты тоже одна! Как матушка твоя в землю ушла, так и ты уйти хочешь. А он без тебя заболит да зачахнет. А муженек твой — хоть и граф, да сволочь! Жена тут помирает, ребеночка ему родить пытаюсь, а он со шлюхами в столице развлекаться изволит. А я уж тебе и водичку чудодейственную на золоте настояла, чтобы ты после родов еще краше стала. Ты только поправляйся, родненькая моя! Как же я без тебя тут оста-а-а-ануся... На кого ж ты меня покидаешь-то...»

Речь перешла в какое-то несвязное бормотание.

Аля почувствовала себя как компьютер с полетевшей материнской платой. А потом привычно заработали мозги, обрабатывая полученную информацию.

Что такое «Виса Хадсон», она не знала. Но, надо полагать, человек. Если у нее (него?) есть овца. Вроде бы только люди разводят овец? Докторус... (Коллега? А почему докторус, а не доктор или док?) Собирается его сделать чучелом и отправить в королевский (какие, на фиг, короли в России?! У нас по жизни цари были!) музей диковинок. Я тебя вынянчила (нянюшка? кормилица?) и батюшку твоего тоже вынянчила... (Но Алиного-то отца точно никто не нянчил. Он вообще детдомовский!) Как матушка в землю ушла... (Алина мама явно была жива и здорова, так что отец не тосковал.)

Точняк — чужое тело, другая жизнь.

А муженек... ой, ё-о-о-о-о! Вот графа и сволочи нам по жизни точно не хватало. Значитца, сделал жене ребенка — и в столицу, баб там того и этого? А ты тут рожай, как тебе больше нравится? Выживешь — хорошо, нового сделаем. По-

мрешь — тоже хорошо. Новую найдем. Графья — они всегда спросом пользовались.

Больше ценной информации выделить не получилось. И Аля решила. Можно бы и еще поваляться, но, судя по тихому плачу рядом, есть хотя бы один человек, который ее любит. И не стоит так огорчать несчастную. Тем более из нее можно отлично качать информацию об окружающем мире.

Как ни странно, голова была ясной и без какой-либо дури. Так что Аля приоткрыла глаза и тихо прошептала:

— Нянюшка...

Больше и не потребовалось. Старуха (та самая, ароматная) подскочила на стуле, словно ее шилом ткнули. И улыбнулась во все оставшиеся восемь зубов.

— Лилюшка моя! Родненькая! Никак ты в себя пришла?! Аля чуть опустила ресницы.

— Больно. Говорить больно. Попить мне дай...

— Сейчас, сейчас, родненькая, — засуетилась бабка. — Сей секунд все сделаю. Водички тебе с винцом намешаю. А то молочка, может, дать? Свеженькое, сегодняшнее...

— Водички, — попросила Аля.

Судя по ощущениям, она давно не ела. А молоко... Еще пронесет с него, на голодный желудок-то... Эх, простоквашки бы...

Что она и сказала. Женщина ласково погладила ее по волосам.

— Сей же день поставлю сквашивать! К завтраму и готова будет. А пока сделай глоточек...

Опять сверкнули золото и рубины.

Аля послушно отпила воды с вином. Немного. Чтобы в голову сильно не ударило. И поглядела на женщину.

— Нянюшка, что со мной было? Помню плохо, как в тумане! Расскажи, а?

Женщина отвела глаза.

— Ты слабенькая еще совсем. Куда ж такое рассказывать!

«А вот если ты промолчишь — мне намного лучше будет, правда?» — едва не завелась Аля. Но вовремя смирилась и сделала печальное лицо:

— Расскажи. Пожа-а-а-а-алуйста...

Слезу выдавить не удалось. Но и так женщина опустила глаза и тихо заговорила:

— Ребеночка ты потеряла, золотко мое. Мальчик был.

Неизвестно, какой реакции она ожидала от Али, но девушка только опустила ресницы.

— Ясно. Еще что?

— Родильная горячка у тебя началась. И ты три дня провалялась. Докторус приходил, спустил тебе дурную кровь и дал прочищающее. Не помогло.

Аля сверкнула глазами. Вот, еще б кому клизмы с кровопусканиями от родильной горячки помогали! Спасибо, хоть не загнулась.

— Чтоб больше ко мне этот придурок и близко не подходил! Ноги вырву!

Няня аж задохнулась от такого заявления.

— Детка! Да как же можно! Его твой муж аж из Лавери прислал, когда узнал, что ты в тягости.

— Небось надеялся, что он меня и уморит, — проворчала Аля.

Но пока обвинять не спешила. Про средневековую медицину она была наслышана. Проходила «мимо истории медицины». И, честно говоря, была о ней не лучшего мнения. Но. Заблуждались в те времена вполне искренне. Хотя какая разница, угробят тебя с искренним осознанием своей правоты и непогрешимости или без оного?

— Да что ты! — тут же подтвердила няня. — Докторус Крейби — один из самых лучших врачей в Лавери. Его услугами король не брезговал.

— Это проблемы короля. Отчего я потеряла ребенка?

Няня пожала плечами:

— Докторус Крейби сказал, что ты с лестницы упала.

— Вот как?

— Мы тебя нашли у лестницы. И крови было... Я уж боялась, что ты не выживешь...

Няня всхлипнула и закрыла лицо передником.

— Не дождетесь, — проворчала себе под нос девушка. Няня не услышала и продолжила всхлипывать.

Аля внимательно разглядывала ее.

Невысокая, на вид лет шестидесяти. С усталым, но при-

ятым лицом. На голове что-то вроде... чепчика? Аля вообще-то их ни разу не видела, кроме как в фильмах, но подозревала, что это оно и есть. Такая гнусная нашлепка на половину волос.

Платье из серо-коричневой ткани, явно домотканое. Без рюшек и оборок. Передник грязный. Платье — тоже. На ногах... ноги не видно. Вообще. Платье волочитя по полу, подметая его. Доисторический пылесос в действии?

Аля вздохнула и заговорила по возможности ласково:

— Нянюшка, мне нужна твоя помощь. Я жива. И хочу быть здоровой. А для этого мне нужно многое.

Пожилая женщина отняла передник от лица. Серые глаза ее сверкнули таким огнем, что Аля поняла: здесь есть один человек, которому она дорога так же, как отцу и матери в своем, родном мире. И эта женщина все для нее сделает.

Вообще все. Что бы она ни попросила. А такого человека надо беречь и любить. Пригодится.

Все эти мысли почти не отразились на лице девушки. Она невозмутимо улыбнулась и сказала:

— Я хочу попробовать встать. И мне надо вымыться.

— Да куда ж тебе вставать, ласточка?! Докторус сказал, что тебе еще десятинку¹ лежать надо!

— Ничего, — пропыхтела Аля, решительно ерзая на кровати и не обращая внимания на боль внизу живота. — Справлюсь. И мне нужно помыться!

— А мытье вообще вредно! Так и пастор² Воплер говорит.

— Вот пусть он и не моется, пока не завшивеет, — не выдержала Аля. Но, увидев огорчение старой женщины, тут же изменила тон с решительного на ноюще-просительный: — Нянюшка, ну помоги мне, пожалуйста...

Няня (как же ее зовут, блин!) вздохнула и покачала головой:

— Лилюшка, вредно ведь...

---

¹ Десятинка — десять дней, месяц — сорок дней. Год состоит из девяти месяцев и трех дней, которые не входят ни в один месяц и сильно зависят от фаз местной луны. Именно в эти дни празднуют Новый год. — *Здесь и далее примеч. авт.*

² местный священник.

— Ня-а-а-а-аню-ю-у-у-у-ушка!

— Хорошо. Полежи пока, пойду прикажу воды согреть.

А приду — помогу тебе встать. Хорошо?

Аля закивала головой.

Няня выплыла за дверь. Девушка проводила ее задумчивым взглядом и принялась разглядывать комнату. Розовая жуть никуда не делась. Увы. Но теперь Аля рассмотрела ее попристальнее. И могла поклясться, что тряпки на стенах были дорожные. На окнах висели шторы, да такие, какие в наше время стоили бы бешеных денег — Аля в этом разбиралась. Одна ее подруга подрабатывала шитьем и читала Але целые лекции о проймах, выточках, клиньях, прошивках, вышивке крестом и машинной вышивке, разных видах швов... перечислять можно много и долго. Но отличить ручную работу от машинной строчки Аля бралась даже по виду.

Девушка перевела взгляд на шкафы.

Розовая громадная жуть. И скажите, кто сейчас делает столики из мрамора? Его ж не сдвинуть, да и упадет — развалится. А кресла? Их что, из целиковой сосны вырубали?

Вообще было такое ощущение, что это не кресло, а сундук, к которому приколотили весьма неудобную спинку и обтянули все это дело тканью. Розовой. В страшноватых огромных золотых розах.

Жуть!

Над головой мерно покачивался балдахин, из которого давно надо было выбить пыль. А то скоро и золотых роз не разглядишь.

Аля собралась с духом — и перевела взгляд на кровать. Что тут скажешь?

Покрывало. Дорогое. Парчовое. Грязное донельзя. Тоже розовое. Явно ручной работы. То ли здесь по-другому не умеют, то ли...

Простыни. Розовые. Шелковые. Грязные и вонючие.

Аля зашипела сквозь зубы и откинула их в сторону. Сколько можно бояться себя?!

Тушка кита. Розовая. Грязная. Вонючая. Жирная до беспредела.

Навскидку девушка дала бы себе килограммов сто — сто двадцать. Аля едва не разрыдалась. Это ж надо было так не-

удачно реинкарнироваться! Туша лежала в розовой ночной рубашке из шелка. Это утешало. Если она так одета, она здесь не последний человек.

Но на диету садиться надо. И заниматься гимнастикой.

Кроме рубашки на туше наличествовали: золотой браслет с изумрудами, шириной сантиметра три. И золотое же кольцо с зеленым камнем. На камне была вырезана маленькая корона, залитая золотом. Она что — принцесса?

Да нет, это чушь! Скорее это знак какого-нибудь титула. Они же графские, баронские, герцогские... Надо будет потом разобраться...

Скрипнули половицы за дверью. Аля поспешно накинула одеяла. В дверь вошли трое мужчин. Они тащили... больше всего это было похоже на здоровущее металлическое корыто. Памятник архитектуры грохнули на пол с таким гулом, что Аля даже испугалась — проломают еще полы на фи! А потом они вышли, чтобы через десять минут вернуться с ведрами кипятка. Которые принялись выливать в лохань.

Три ведра кипятка, три ведра холодной воды. Еще два ведра принесли и поставили рядом с корытом.

Аля наблюдала за этими приготовлениями в тихом ужасе. А заодно разглядывала слуг.

Трое мужчин. Младшему лет восемнадцать. Старшему явно уже за полтинник. Среднему лет тридцать пять — сорок. Не больше. Все одеты в странную одежду типа лосин когда-то белого — ныне грязно-белого — цвета и туники. Розовые. Кто б сомневался. Двое бородаты. Третий старательно лелеет несколько пробившихся волосков. Головы у всех непокрыты, но посыпаны чем-то вроде пудры. Волосы стянуты сзади весьма грязными розовыми лентами. На ногах у всех троих эдакие войлочные боты «прощай, молодость, прости, красота».

Кошмар, одним словом. Интересно, все мужики здесь так ходят?

Ни одной пуговицы Аля на их одежде не заметила. Только завязочки. Как и на одежде своей служанки. Тоже вопрос. Их еще не изобрели? Тогда надо будет постараться. И патент заодно взять. Если тут это есть. А если нет — открыть мастерскую. Договориться с кем-нибудь... так, ладно.

Куда-то она улетела мыслями в далекие края. А жить надо здесь и сейчас. То есть хотя бы искупаться.

Мужчины вышли, и няня решительно подошла к кровати.

— Ну что, Лилюшка, вставай...

Аля попыталась встать. И едва не застонала от боли. Болели, казалось, все мышцы и каждая клеточка тела. Но она только стиснула зубы. Кто не стоял в боевых стойках по три-четыре часа, тот не знает, как могут болеть мышцы.

А пока...

Служанка подала ей руку, намереваясь запихать женщину в корыто прямо в рубашке. И Аля удивленно поглядела на нее:

— Няня, я больше эту рубашку не надену. Помоги мне ее снять и отдай выстирать. Это — первое. Второе. Есть у меня чистая рубашка?

— Да. Но Лил...

— Няня, прощу тебя! Мне и так плохо! Ты хочешь, чтобы я запуталась в этой рубашке и упала?

Этого няня явно не хотела. И кое-как помогла девушке стащить противный балахон.

При виде собственных жировых складок Аля едва не разрыдалась. Но кое-как сдержалась.

— Эх, зеркало бы...

— Так ведь ты выписала. Давай я помогу, солнышко мое золотое...

Аля поспешно закивала. И служанка под руку подвела ее к одному из шкафов. Распахнула дверцу. И Аля ахнула.

Это оказался вовсе не шкаф. А скорее, короб для зеркала. А зеркало...

Аля чуть не согнулась от смеха. Полированная металлическая пластина! Не угодно ли?! Но для того, чтобы оглядеть себя, оно вполне годилось. И, как ни странно, видно было неплохо. Хотя зеркало и находилось точно напротив окна.

Аля наконец-то увидела, какой она стала.

Ну что тут скажешь? Были плюсы, были и минусы. Минусом были жутко жирные ноги, бедра, попа и исчезнувшая под четырьмя складками жира талия.

Плюсом — сравнительно небольшая (даже при такой

заднице) высокая грудь. И длинная шея, частично скрытая за тремя подбородками. Кисти рук вроде как тоже изящные. Ноги вполне пропорциональные. Минус килограммов пятьдесят — будет очень неплохо.

В плюс Аля записала также тяжеленную толстую косу аж до колен. Это не родной крысиный хвостик, здесь на натурпродуктах и шикарнее можно отрастить. И перешла собственно к лицу.

Лицо ее порадовало. Да, формы пока из-за щек не видно. Но глаза вроде бы большие и зеленые. Нос не крючком и не пяточком, этакий средний прямой нос. Уши тоже вполне приличные. И самое главное — кожа вроде как без пятен, прыщей и бородавок. И даже без оспин. Что вообще шикарно. Только небольшая родинка в углу рта.

Зубы целы. И даже зубы мудрости еще не прорезались. Предел мечтаний!

Одним словом, основа есть. Осталось стырить и принести. А если серьезно — жиры сгонять надо. Чем она и займется.

А заодно ассимилируется здесь. Нет, на прогрессора, который будет двигать вперед все и сразу, она не тянет. И изобрести велосипед тоже не сумеет. Да и не надо, наверное. А вот наладить свой быт, сделать его лучше и спокойнее...

Начинать надо сначала. То есть узнать, что вокруг творится.

Аля развернулась к няне и с умильной улыбкой проворковала:

— Нянюшка, давай ты мне поможешь вымыться. И заодно Расскажи, что произошло новенького, пока я лежала в горячке.

Пожилая женщина опять широко улыбнулась.

— Как скажешь, Лилюшка. Как пожелаешь.

Мелкая интриганка в душе Али коварно ухмылялась и потирала руки. Она-то знала, что пожелать.

— Анелюшка моя! Прелесть моя! Открой дверцу!

Мужчина говорил негромко, постоянно оглядываясь по сторонам. Словно чего-то опасаясь. И долго ждать ему не пришлось. Дверь распахнулась, и его втянули внутрь. Щелкнул задвигаемый засов.

— Ты что, с ума сошел?!

Говорящая была удивительно хороша. Этакой чувственной красотой южанки. Черные волосы, тяжелыми волнами падающие на полные круглые плечи, пышная фигура, каждым движением излучающая чувственность, круглое личико, которому подошло бы слово «невинное». Высокий лоб, выщипанный по последней моде, так, что волосы образовывали треугольник надо лбом. Тонкие брови вразлет (тоже выщипанные, но кого это волнует?), большие карие глаза, маленький курносый носик и губки сердечком над круглым подбородком с ямочкой.

— Как ты мог сюда прийти?! Мой отец здесь сегодня!

— Но он не собирается петь тебе на ночь колыбельные, Анелюшка. А я имею на тебя все права, как твой супруг!

Лицо девушки исказилось от страха.

— Молчи! Ты погубишь нас обоих!

— Или наоборот — спасу? Тебе уже шестнадцать лет. И ты уже год как моя жена. Иди сюда. Прекрати водить меня за нос!

Мужчина поймал девушку за прядь волос и потянул к себе. Анна вскрикнула — совсем тихо, но он и не подумал останавливаться. Он отлично знал, что немного боли ей только нравилось.

Прошло немало времени, прежде чем они возобновили разговор. Уже в кровати. Уже на смятых простынях.

— Сколько мы будем еще прятаться, Анна?

— Лонс, ты же знаешь, до восемнадцати лет в моей судьбе полностью волен мой отец. А потом я буду полностью свободна. Пусть без приданого, но мы сможем объявить о нашей свадьбе. Подожди немного.

— Немного? Два года! Два года прятаться по углам! Два года ждать от тебя каждого взгляда, как милости! Два года...

Нежная ручка закрыла мужчине рот.

— Лонс, мой отец полностью волен в моей судьбе. Прикажет — и меня отправят в монастырь за связь с тобой. Прикажет — и наш брак объявят незаконным. Что ему — его и так не одобряет Светлый Престол. Ты же не хочешь оказаться на плахе за соращение аристократки?

— Нет, — проворчал мужчина, успокаиваясь.

— И я не хочу расставаться с тобой. Ты мой муж. Я люблю тебя. И все будет хорошо. Подожди только немного.

— Да уж. Аристократка и учитель.

— О тебе скажут, что ты воспользовался моей неопытностью. Неужели так сложно потерпеть пару дней и не приходиться ко мне, пока здесь его величество со свитой? Потом он уедет — и мы опять будем вместе. Обещаю!

Мужчина чуть вздохнул, смягчаясь.

— Аннушка, сердце мое... Тебе отказать просто невозможно. Обещаю. Потерплю десятинку. Но эта ночь — моя!

В его серых глазах загорелись хищные огни. Он притянул к себе девушку и хищно впился губами в темный набухший сосок. Анна застонала и вцепилась в его темные густые волосы. Она знала — теперь он не уйдет раньше утра.

Да ей и не хотелось отпускать его раньше.

Его величество король Ативерны Эдоард Восьмой перебирал бумаги на столе в кабинете. Если кто думает, что королевская жизнь — это балы, охоты и развлечения, решительно зря он так думает. Королевская жизнь — это прежде всего каторжный, от рассвета до рассвета, труд. И не просто каторжный. А еще черный, неблагодарный и не оцененный потомками. Хотя бы потому, что если все идет хорошо, король не нужен. А вот если начинаются какие-нибудь проблемы, сразу возникает вопрос: «А кто тут крайний?»

Разумеется, тот, кто и первый перед Богом. Его величество.

Он же во всем и виноват. Постоянно.

И хвала богам, если королева попадаетея приличная. Тогда его величество может свалить на нее придворные церемонии, да и после них в своей семье получить ласку, любовь и заботу. А вот если попадаетея стерва (специально их, что ли, среди принцесс разводят?), тогда начинается сплошной кошмар.

Работа неблагодарная.

Дома не любят и не ценят. Настоящих друзей тоже днем с огнем не найти. Потому что мало кто видит в короле прежде всего человека, а не кошелек с разными благами и милостями.

Поневоле озвереешь. И напишут потом летописцы: «Эдоард такой-то был тиран и деспот».

Их бы так запрячь, в кого бы они превратились? В Сияющих¹, что ли? Посредством убиения. Мученики ведь туда и попадают?

Хотя вот этот конкретный Эдоард тираном не был. И деспотом — тоже. И вообще ему повезло. Невероятно повезло. Как обычно королям и не везет. В его жизни были и любовь, и дружба.

Тридцать шесть лет назад его величество женился в первый раз. По государственной необходимости, на принцессе Авестерской. И на своей свадьбе впервые увидел юную дочь графа Алоиза Иртон. Младшую сестру Джайса. Точнее, младшую близняшку. Джессимин родилась на полчаса позже брата.

Джессимин была очаровательна. Красива. Умна. Обаятельна. У нее было все, чего не хватало принцессе Авестерской. Но Эдоард в глубине души знал — он бы влюбился в Джессимин и без ее очарования. Просто раз увидев ее. Влюбился бы, даже изуродуй ее лицо болезнью, даже будь она тихоней и книжницей. Будь она хоть монашкой.

Так иногда бывает. Ты видишь человека — и понимаешь, что это твоя вторая половинка. И все остальное значения не имеет. И никогда иметь не будет. Не важно. Наверное, это любовь.

И Джессимин тоже влюбилась в юного тогда принца. Влюбилась до безумия.

У принцессы Авестерской просто не было шансов. Ночью ее муж был спокоен и равнодушен. Днем — тоже. И все чаще его глаза обращались в сторону тонкой темноволосой фигурки Джесси. И все чаще серые глаза встречались с синими. И все чаще руки влюбленных встречались в танце.

— Почему ты принц? — шептали синие глаза.

— Почему ты не принцесса? Я сделал бы тебя своей королевой, моя богиня, — отвечали серые глаза.

Буря грянула на одной из королевских охот. Лошадь

---

¹ Сияющие — в местной религии аналог ангелов. Считается, что Сияющими становятся люди, принявшие мученическую смерть во имя высокой цели.

Джессимин понесла, сбросила всадницу и вернулась к охотникам. Мужчины рассыпались искать. Но нашел свою любимую Эдоард. Так получилось. Ночь они провели вместе, в домике лесника. А наутро у принца появилась официальная фаворитка.

Разразился бешеный скандал.

Принцесса Авестерская орала, рыдала, каталась по полу в дикой истерике и швыряла предметы.

Старый король неодобрительно качал головой. Придворные сплетничали. Святоши осуждающе шипели вслед.

Но Эдоард был тверд.

Джессимин — его.

Его жизнь, его любовь, его судьба. То, что требуется для государства, он выполнил. Для себя же ему нужна только Джесси. И он тоже нужен ей.

Джессимин было плевать, что она только фаворитка. Ее любят. И — все. Больше ей ничего не было важно.

Через два года принцесса Имоджин Авестерская родила первого ребенка. На следующий год Джесси родила дочь. Еще через три года королева родила второго мальчика. Через два года после этого Джесси родила сына. А еще через два года королева (тогда еще принцесса Имоджин) умерла от лихорадки.

Джесси же...

Эдоард не делал секрета из их отношений. Хотя они и не нашли понимания ни у старого графа, ни у старого короля. Но что им до этого?

Зато влюбленных всячески поддерживал тогда еще юный отец Джерисона.

Джайс, виконт Иртон, обожал свою сестренку-близняшку. Если для счастья ей нужен принц — пусть будет принц. Эдоард знал — в лице Джайса он приобрел верного друга. Они ведь оба любят Джесси.

И именно Джайс, когда Джесси забеременела в первый раз, предложил влюбленным выход из положения. Сам он отлично знал, что бесплоден после перенесенной в отрочестве «отечной лихорадки»¹.

У него не будет детей. Но зачем пресекать род графов

---

¹ Так называли свинку.

Иртон? Намного проще жениться на какой-нибудь бесприданнице, отослать ее в деревню, а затем рассказать всем о родах и предъявить младенца. Сына Джесси.

Ведь дети Джесси, хоть и бастарды, могут быть реальной угрозой престолу в глазах старого короля. Девушку либо срочно выдадут замуж за какого-нибудь холуя, либо вообще убьют. Кого это устроит? Уж точно не обожающих ее брата и возлюбленного.

Старый граф подумал и тоже согласился с предложением сына. Внешне все будет шито-крыто. А уж что творится в семье... Хотя в ней и творилось. Мать Джесси и Джайса решила, что такого позора дочери не простит, и после громкого скандала уехала в Иртон, родовое поместье.

Граф же... дочь он любил. И зла ей не желал. И отлично видел, что без Эдоарда она просто умрет. Так стоило ли отвергать план своего сына?

Лучше уж помочь ему и заранее приобрести расположение следующего короля. Он ведь не оставит своих детей милостями... А значит, и роду Иртон лучше.

Решение было принято. Невеста выбрана совместными усилиями. Алисия Уикская была немолода. Не слишком хороша собой. И при этом бесприданница. Зато у нее были целая вереница благородных предков и фамильная гордость, которая заставляла ее высоко держать голову. Предложение руки и сердца от Джайса она приняла как дар небес. А о дополнительных условиях выслушала, не поведя и бровью.

И заметила только, что ей действительно нельзя рожать. Слишком узкие бедра. Если милого Джайса устроит такая жизнь, при которой они будут встречаться лишь изредка и на людях, она согласна. У него будет своя личная жизнь. У нее — своя. Детей Джесси она с радостью выдаст за своих. Если у Джайса кто-нибудь появится — пусть так. Лишь бы не опозорил ее имени. А для нее это отличный шанс утереть всем нос.

Джайс согласился на все. Сразу и безоговорочно. И не пожалел. За двадцать лет брака у него «родились» двое детей. Амалия — первой. Джерисон, Джес — через пять лет. Наследник графства Иртон.

Алисия относилась к детям спокойно и равнодушно. Все,

что волновало ее, — это благопристойность. Поэтому она раз в год появлялась рядом с малышами, гладила их по головкам и продолжала заниматься своими делами. Блистала в свете, кокетничала, сплетничала — в общем, вела активную жизнь придворной дамы, в чем ей всячески способствовал супруг. Джайс был настолько счастлив, что супруга не лезет в его дела и прикрывает детей Джесси, что готов был носить ее на руках. Впрочем, Алисии вполне хватало денег и благопристойности.

Зато детей обожали их родители и дядюшка. Амалия и Джес жили вместе с «отцом», с кучей нянек и кормилиц. А в доме рядом жила официальная королевская фаворитка, которую его высочество навещал восемь раз за десятинку.

После смерти принцессы Авестерской Эдоард таки добился у отца разрешения на брак с Джесси. Старый король махнул рукой и согласился. Джесси вышла замуж за принца, чтобы еще через год стать королевой. И следующие двадцать лет королевская семья прожила в мире и согласии, родив двух замечательных дочурок.

Джессимин умерла пять лет назад, от лихорадки. И король искренне горевал о ней. Как и вся страна. Добрую королеву любили в народе. А о романтической истории любви Джесси и Эдоарда слагали песни бродячие менестрели.

Не обошлось и без ложки дегтя.

Старший сын Эдоарда от Имоджин Авестерской, Эдмон, увы, оказался точной копией своей матери. И унаследовал ее ненависть к Джесси. И ко всем графам Иртон. Пусть он старался не показывать своих чувств прилюдно, но что можно спрятать от любящего отца? Ненависть, как и горящий уголь, в кармане не носят. Младший же сын, Ричард, наоборот, души не чаял в доброй и красивой мачехе, которая пела ему песенки, рассказывала сказки и всячески старалась заменить родную мать.

Но наследовать трон должен был старший сын.

Эдоард женил бы Эдмона, еще когда тому исполнилось тридцать, но после смерти королевы был объявлен глубокий двухгодичный траур. Эдмон, казалось, чего-то выжидал. И не возражал отцу никогда.

А спустя полтора года после смерти Джесси...

Эдоард так и не узнал, умысел это или случайность? И чей умысел? Джайс, граф Иртон, и принц Эдмон были найдены мертвыми в гостиной Эдмона. Оба умерли от яда.

Что произошло тем вечером? Эдмон ли попытался отравить старого друга отца? Джайс ли принял такое решение, видя, что приход к власти Эдмона губительно отзовется на его семье и детях его сестренки? Эдоард не хотел знать. Незачем.

А место Джайса рядом с ним — и рядом с Ричардом — занял Джес. Эдоард никогда не сказал бы мальчикам, что они родные братья. Но им это было и не нужно. Они и так любили друг друга. Хотя они почти не походили друг на друга. Джес пошел большей частью в мать. От отца он взял только мощное телосложение. А черты лица, синие глаза, темные волосы, очарование... Копия Джесси. К счастью, она и Джайс были очень похожи. Фамильными чертами графов Иртон были темные волосы и синие глаза при молочно-белой коже. А его величество отличался светлыми волосами и серыми глазами.

«Мой золотой принц», — называла его Джессимин.

Ричард тоже пошел в отца. Высокий блондин с серыми глазами. А что прежде всего сравнивают люди? На что смотрят? Разумеется, на цвет глаз и волос. И уже потом на фигуру. Но мало ли высоких и сильных мужчин? Тем более что Джес был военным. Как его отец в свое время был маршалом при Эдоарде, так Джес когда-нибудь будет при Ричарде.

А потом, если повезет, его сын — при сыне Ричарда.

Сын...

Вот еще вопрос. И зачем Джайсу понадобилось женить сына в третий раз? Да еще и на этой корове? Хотя Эдоард знал — необходимость. Он сам женился на Имоджин по необходимости.

Джайс в первый раз помолвил сына еще восьмилетним. С дочерью графа Эрролустонского. Но юная Элиза умерла, когда ей исполнилось двенадцать. И Джайс устроил вторую помолвку своего сына. С дочерью барона Йерби. Магдалена Йерби подарила своему супругу дочь и умерла в родах. После этого сговорить невесту Джесу стало намного сложнее.

Люди суеверны. И все начали считать, что Джес приносит своим женам несчастье.

Тут-то и подвернулся Август Брокленд.

У него была единственная дочь. Лилиан. Младше Джеса почти на десять лет, но какое это имело значение? Главное — детородный возраст. И хорошее приданое. Тут все выходило просто прекрасно. Джес и Лилиан становились супругами, к Иртону присоединялся Брокленд. Серьезно расширялась площадь поместья. И кроме того — Джес мог спокойно заниматься фамильными верфями Броклендов.

Старый Август, увы, хоть и женился три раза, но детей, кроме Лилиан, не имел. А разве мыслимо оставить верфи в руках женщины? Нелепость! Что она понимает в кораблях?

А вот Джес...

Да, он не был моряком от Бога. Но разбирался в кораблестроительстве. Медленно. Упорно. Постепенно. Под руководством старого Августа.

Одним словом, его величество чувствовал гордость за сына. Ложкой дегтя в бочке меда оказалась сама Лилиан.

Его величество видел ее всего один раз — на свадьбе. И понял, что его Имоджин не худший вариант. По крайней мере, с ней в постель можно было ложиться без содрогания.

Лилиан же...

Туповатая груда жира. Другого слова его величество подобрать не мог. И тихо надеялся, что Лилиан умрет во время очередных родов. Или Джес найдет себе такую же подружку, как Джесси. И успокоится рядом с любимой женщиной. Пора бы уже, возраст не юный! А то скоро всех придворных дам переберет, паршивец.

Кстати, легок на помине...

Тихо скрипнула дверь кабинета...

— А, это ты, Джес?

— Я. — Мужчина скользнул из тени на свет...

Его величество король Ативерны Эдоард Восьмой махнул рукой в сторону кресла.

— И что ты стоишь? Садись. Вернулся, значит?

— Вернулся, ваше величество. И полностью готов отдаваться государственным делам.

— Джес, прекращай эти титулы. Надоело.

— Хорошо, дядя Эд.

В конце концов, Джерисон, граф Иртон, действительно приходился королю племянником. Пусть и от второго брака. И приятнее было слышать от родного сына привычное «дядя Эд», чем формальное «ваше величество».

Лицо молодого человека приобрело плутовское выражение. И король покачал головой.

— Лучше бы ты так тяготел к делам семейным, а не государственным.

— Дела моего государства — это и мои семейные дела, дядюшка, — отвечивал юный нахал.

— Жестоко ошибаешься. Дела государства — это мои личные проблемы. А ты не крути тут хвостом, — проворчал Эдоард. — Давно бы мне пару племянников сделал, если бы не отлынивал.

— Глядишь, один и будет, — вздохнул Джес. И чуть не сорвался на крик: — Дядя, ну не могу я! Ты же ее сам видел! Дура, истеричка, уродина! Во сне увидишь — не проснешься! Да она мне и через крепостной ров не нужна!

— Тебя и не просят в ней нуждаться. Сделай ей ребенка, и все. Не нравится — прикрой ей лицо платком.

— Подушкой. И подержать подольше, — буркнул Джес. — Да беременна она, беременна!

— Сколько месяцев?

Джес ненадолго задумался.

— Месяца три. Или уже четыре.

— Как разродится — привезешь ее ко двору?

Мужчина откровенно скривился.

— Прости, дядя, не хочется.

— Подумай. Тут вы часто видеться не сможете, а...

— Нет уж. Пусть сидит в Иртоне. Глаза б мои на нее не глядели. Я ей туда отправил лекаря и денег. Этого хватит с лихвой!

Эдоард покачал головой и оставил попытки воспитывать сына. Взрослый уже. Так что стоит заняться делами.

— Что еще скажешь?

— У меня тут несколько отчетов с верфи. По тем чертежам, которые мы позаимствовали у Ферейры, могут выйти

вполне приличные корабли. Мастера хотят построить один на пробу и поглядеть, что получится.

— Ты тоже хочешь поглядеть, так?

— Конечно! А как Августу любопытно! Я тебе тут тоже привез чертежи. Посмотришь?

— Мне пока отчетов казначейства хватает. Знаешь, сколько они своровали в этом месяце?

— Не знаю. Но корабль хочу попробовать строить на свои средства. Он будет двухпалубный, с...

— Это ты мне как-нибудь потом расскажешь. Ричарда не видел?

— Нет еще. А надо?

— Надо. Я решил его женить. Так что пригляди, чтобы этот герой не устроил какого-нибудь скандала. Ясно?

Джес улыбнулся. И у Эдоарда на миг даже захолонуло сердце. Как же он был в этот момент похож на мать! Копия!

— Конечно, дядя! О чем разговор? А на ком?

— Женить? Не знаю. Пока есть две подходящие принцессы на выданье. Так что либо Анна Уэльстерская, либо Лидия Ивернейская.

— А...

— Нам отдадут любую. В Уэльстере еще пять принцесс, так что рады будут и счастливы. Анна просто больше всего подходит по возрасту. Да и мои люди донесли, что она симпатичная.

— По крайней мере, Рику не придется в постели ей морду платочком прикрывать. А Лидия?

— В Ивернее только она свободна. Не помолвлена, не замужем. Говорят, она типичный шерстяной носок¹.

— Страшненькая?

— Анна намного симпатичнее.

— Ну так и остановились бы на Анне?

— Красота — это еще не все. Да и мне хочется, чтобы у Рика был выбор. Мне его в свое время не дали.

— Вы его сами сделали, — подмигнул молодой нахал. — И я вас отлично понимаю. Тетушка моя и в сорок лет выглядела красоткой.

---

¹ Аналог «синего чулка».

ОГЛАВЛЕНИЕ

Прелюдия 1	5
Прелюдия 2	7
Глава 1. «Вы, конечно, слышали о переселении душ. А вот случилось ли вам слышать о перенесении тел из одной эпохи в другую?»	10
Глава 2. Освояемость и усвояемость	38
Глава 3. Разбор полетов и залетов	78
Глава 4. Ярмарка, ярмарка, мы идем на ярмарку...	108
Глава 5. Быки и гильдии	196
Глава 6. Дом, милый дом... и кто это в нем?	298